

неполитическому советнику д-ру фон Бергену в Министерство иностранных дел в Берлине Штейнвакс упоминает князя в связи с некоторыми доверенными лицами, действующими из Швеции:

Наконец, по согласованию с Вашим Высокоблагородием, политическому сектору Генерального штаба сухопутных войск были предоставлены 2000 руб. и 1500 швейцарских франков для операции князя Мачабели.

Эти три примера наглядно подтверждают, что мировая политика в повседневной практике часто выглядит как провинциальный фарс. Место действия — Стокгольм отличается при этом от Копенгагена только тем, что Копенгаген считается в кругу социалистов ареной для торговой деятельности, тогда как Стокгольм расценивается скорее как своего рода «духовный центр» в пределах скандинавского поля деятельности. Возможно, это исторически связано с большей близостью Стокгольма к царской империи, присоединившей к себе Финляндию, соседку Швеции.

МАРШРУТ ХАПАРАНДА

Турне-Эльв (фин. Торнио-Йоки), пограничная река в северо-шведском Норботтене, образует границу с Финляндией и одновременно обозначает шведско-российскую разграничи-тельную линию, т. к. Россия присоединила к себе Финляндию. Это имеет свое особое значение и как линия поставок из Стокгольма революционерам в Санкт-Петербурге, который с 1914 г. называется Петроградом. Из столицы и города королевской резиденции у шведской бухты Мелар железнодорожная трасса, стратегическая «линия подвоза», тянется по сильно изрезанной береговой линии Балтийского моря, все время вдоль Ботнического залива, на тысячу километров, доходя почти до Полярного круга, к пограничному двойному городку Хапаранда—Торнио. Затем, на другой стороне, спускаешься снова почти на такое же расстояние к югу, через российскую Финляндию до

Петрограда. Это — главная тропа, по которой движутся все те, кто хочет работать в российской столице на революцию: эсераы, анархисты, большевики, авантюристы, бомбометатели, рабочие, крестьяне, железнодорожники, учителя, профессора, партийные функционеры, агенты, торговцы, шпионы, саботажники, разведчики и курьеры. По этому пути транспортируется то, что необходимо, чтобы нанести удар: печатные материалы, книги, брошюры, листовки, газеты — это идеи. Но также оружие и взрывчатка. И, разумеется, не в последнюю очередь деньги, беспрерывно необходимые для этой революции.

Контрабандистские истории Хапаранды и Торнио ни в чем не уступают диким историям баражных городов времен золотой лихорадки — Клондайку и Даусон-Сити на севере Америки. И те, кто в Хапаранде-«Сити» гордо позволяют снимать себя для потомства на стеклянные пластинки только что входящими в моду фотографами в своих шубах рядом с лохматыми выносливыми лошадьми или санями в оленых упряжках, глядят столь же дерзко, как парни-золотоискатели почти на той же широте на крайнем севере Америки. Некоторые фотографии того времени сохранились, их любовно хранят в архиве этого городка. Хапаранда — это город контрабандистов с бараком для таможни и деревянным сараем «Стокгольмского торгового банка» с высокой деревянной вывеской на крыше и указателем на немецком языке «Обмен денег по текущему курсу». Хапаранда — это Эльдорадо для торговцев деревом и мехами, в том числе и немецкой национальности, на традиционном торговом маршруте между Ледовитым океаном и Центральной Европой.

Вдоль Торнио-Йоки к северу, вплоть до порогов Куккола, идеального места для ловли лосося, с незапамятных времен занимаются контрабандой лошадьми и мехом, деревом и маслом, пенькой и всем тем, что «на другой стороне» в этот момент можно приобрести дешевле или что оплачивается дороже. В военное время пограничный бизнес на обеих сторонах всегда особенно процветает. В этом суровом краю контрабандистов традиционно говорят: «Когда другим плохо, нам хорошо». — Распространенный пограничный афоризм повсюду в мире.

Через это северное игольное ушко для контрабанды людей и нелегальных перевозок оружия шведский социалист, издаатель и позднее министр здравоохранения своей страны Густав Меллер проносит в специально подготовленном ботинке письмо от Ленина из Швейцарии, которое по этому ледяному окольному пути в холодном феврале 1915 г. должно быть доставлено в Петроград. Инструкция, полученная Меллером в Стокгольме от большевика Александра Шляпникова, по кличке Беленин, проста: тайное известие товарища Ленина должно быть передано в Петрограде некоему Исидору Саксу.

Меллер пускается в далекий путь на Хапаранду. Он знает, что известие, которое он должен пронести через границу, важное. Переход границы удается ему без осложнений. Русские и финские таможенники на «вражеской стороне» не находят в его вещах ничего подозрительного. Меллер переводит дыхание и садится на финском вокзале в Торнио на поезд до Петрограда. Там фабрикант Сакс встречает его на своей фабрике корсетов. Сакс держится очень официально и решительно отказывается принять вычищенную пару обуви. Меллер впадает в сильную неуверенность и прощается несолено хлебавши.

Он идет в шведский книжный магазин в Петрограде, указанный ему в качестве контактного адреса на экстренный случай, и вступает в деловой разговор. Он как-то собирается с духом и решается на следующий день еще раз переговорить на корсетной фабрике. На этот раз Сакс, тем временем, очевидно, проинформированный, встречает его чрезвычайно сердечно, принимает у него ботинки и извиняется за конспиративное недоразумение предыдущего дня.

Разгадка совсем проста: в Стокгольме Меллеру неверно называли имя Сакса.

Теперь Сакс откровенно говорит, что должен быть очень осторожен, т. к. его только недавно приговорили к трем годам тюрьмы и он еще находится на свободе лишь потому, что его петиция ходит по инстанциям. Поэтому он теперь никак не может рисковать.

Меллер, покинув Сакса, замечает, что за ним следят. Поэтому перед возвращением в Стокгольм ему приходится выждать

пару дней. Затем он с деньгами, полученными за свою услугу, пускается в обратный путь. Кроме того, у него с собой книга, в которой Сакс невидимыми чернилами между строк написал предупреждение Шляпникову, чтобы ему пока что больше не посыпали сообщений. Меллер еще раз вздрагивает, когда пограничные чиновники в Торнио — Хапаранде, не производящие основательного таможенного контроля, указывают на то, что книги сейчас обычно конфискуются. Но на этот раз ему еще разрешают взять книгу с собой.

Меллер вновь успокаивается лишь тогда, когда оказывается на шведской стороне, на маленьком вокзале Хапаранды с покрытым снегом, идиллично выглядящим деревянным зданием, и затем садится в железнодорожный вагон на Стокгольм. Наконец-то. Теперь ему предстоит полтора дня спокойной обратной поездки в Стокгольм. Книгу с невидимым чернильным сообщением он держит при себе.

На долгом пути по лесам Меллер еще раз размышляет, не следовало ли еще до границы, недолго думая, порвать и уничтожить письменный оптовый заказ на несколько сот тысяч презервативов, который Сакс дал ему с собой в виде своего рода деловой маскировки и основания для обратного въезда в Швецию. Такая бумага у него, шведского книгоиздателя, скорее могла вызвать подозрение у русских таможенников, чем послужить его безопасности. И, кроме того, ему кажется странным, что именно корсетный фабрикант торгует презервативами в таких количествах.

Два года спустя, летом 1917 г., Меллер вновь вспомнит об этом «заказе», когда прочитает в газете, что тайная полиция правительства Керенского в своем сенсационном обвинении о денежных и товарных сделках Ленина проявляет осведомленность и о вымышленных, якобы торговых телеграммах из Петрограда в Стокгольм, на адрес жены Ганецкого Гизели на частной вилле пригорода Сальшебаден, в которых — как считается, для маскировки — упомянуто большое количество презервативов. Недоверчивая секретная служба Керенского правомерно спрашивает себя: не имеются ли при этом в виду скорее карабины и патроны?

Однако Хапаранда — Торнио, идеальный шлюз для сообщений и агентов, будучи «игольным ушком», имеет для торговцев и курьеров и большой недостаток. Для таможни и полиции она становится мелким ситом, которым можно довольно легко отсеять находящихся в розыске политических контрабандистов.

Когда большевик Шляпников в феврале 1916 г. хочет возвратиться из Петрограда в стокгольмский центр, он не может избавиться от ощущения, что российская тайная полиция буквально наступает ему на пятки. В поезде до границы его беспокоят некоторые персоны из числа попутчиков. Поэтому он покидает поезд вместе с несколькими другими пассажирами в Оулу, последнем крупном населенном пункте в неполных ста километрах перед границей. Там финские товарищи помогают ему с лошадью и санями, на которых он мимо Торнио доеzdжает по глубоко заснеженному ландшафту до Торнио-Йоки, к северу от Карунги, и там в безлюдном месте без таможенного контроля и досмотра переправляется на шведскую территорию. Шляпников поступил правильно: попав на железнодорожную станцию Хапаранда, он узнает об аресте курьера в Торнио. После этого контроль там вновь усиливается.

Тот из революционеров, кто хочет теперь пересечь границу вблизи Хапаранды — Торнио и потому нуждается в помощи в отдаленных заснеженных селениях, чтобы ему указали наиболее надежный путь, должен знать условную фразу: «Передаю привет от Ольги».

Если в Хапаранде — Торнио революционерам становится слишком «жарко», они пытаются также добраться на лыжах по замерзшему Ботническому заливу от шведского острова Сескарен, находящегося примерно в 30 километрах к юго-западу от Хапаранды, до финского побережья в районе Кеми. На шведском острове немало рабочих-пильщиков, часто получающих «приветы от Ольги». И всегда наготове пара лыж, а летом рыбакское суденышко, если нужно переправить передатчиков «приветов от Ольги» в российскую Финляндию, чтобы они могли донести свое приветственное послание до Петрограда.

Как говорят в Хапаранде, безразлично, «мужик или миллионер» — всем приходится проходить по Хандолинска-брон, де-

ревянному мосту, единственному сообщению между конечными железнодорожными станциями в Хапаранде и Торнио.

Как часто после сильного зимнего давления льда на реке Торнио приходится обновлять мост Хандолинска-брон, как часто поэтому те, кто ездит туда-сюда, переправляются через замерзшую пограничную реку и просто на лошадях с санями.

Даже прошедших сквозь огонь и воду курьеров восхищает получасовая романтика, доставляемая им и их единомышленникам при рискованной переправке через границу.

Александра Коллонтай, позднее всемирно известная революционерка, дочь состоятельного царского генерала с Украины и матери-финки, провела свое детство в Российской Финляндии и позднее примкнула к российским революционерам, поначалу к группе меньшевиков.

Затем ее тянет к более радикальным большевикам, и она «со всеми потрохами» отдается им и их цели насильтственного свержения царского режима. После революции она становится первым комиссаром государственного признания — пост, аналогичный министерскому, а затем первым советским послом в Стокгольме.

Но самое поразительное: позднее Сталин не ликвидировал ее, единственную живую свидетельницу из самой узкой команды Ленина по добыванию денег.

Она пишет в мемуарах о своих пограничных переходах под Хапарандой до революции: «В марте 1917 г. стояла суровая зима. Белое снежное одеяло скрывало скучный вид полярных болот. И было весело пересекать пограничную речку Торнио-Йоки под звон колокольчиков на санях. У меня было радостно на душе, все было свежим и бодрящим, как морозный снежный воздух у пограничной речки. Под звон колокольчиков спешили вперед мои окрыленные мысли...»

В другом месте ее записок сквозит отзвук меланхолии: «Июль. Торнио, железнодорожная станция на границе между Финляндией и Швецией. Населенный пункт находится так далеко на севере, что летом солнце вообще не заходит. С начала войны здесь проходит единственная открытая для России транзитная железнодорожная линия в Европу. Унылая станция.

Служебное здание в казарменном стиле. Болото. Северные карликовые березы. Незадолго до этого — шведская пограничная станция Хапаранда. Унылая полярная природа, но сверкают чистотой сельские строения и красивые бараки — для беженцев и военнопленных, предназначенных к депатриации из России и в Россию».

Столь же очаровательная, как и мужественная, женщина, разумеется, лишь оченьдержанно сообщает о том, какой курьерский груз она имеет при себе и должна тайно переправить через границу. Правда, в одном месте она пишет довольно откровенно и даже слегка насмешливо:

«На северо-шведской пограничной станции Хапаранда мой багаж обыскивают. Кроме того, приводят чиновницу-женщину для проведения личного досмотра. Письмо Ленина я предусмотрительно засунула в корсет, но служащая интересуется больше моей пышной прической и распоряжается, чтобы я вынула все заколки. Разумеется, она ничего не находит.

Контроль в Хапаранде позади. Я сажусь на одни из плоских финских саней, в которые запряжена рыжая лошадка».

Упомянутое и таким способом контрабандно доставленное тайное политическое послание содержит два первых «Письма издалека», которые Ленин, беспокойно томящийся в швейцарской эмиграции, написал 7 (20) и 9 (22) марта революционерам в Петрограде.

На усиленный пограничный контроль в Торнио реагируют и «стратеги апельсиновой корки» из Министерства иностранных дел в Берлине. Они стремятся создать регулярное, не вызывающее подозрений и не нарушающее цензурными службами почтовое сообщение. В документах Министерства иностранных дел описывается неотложная задача:

[...] Отделение тайного почтового сообщения.

Задача: организация независимого от российской цензуры тайного почтового сообщения с Финляндией и Россией.

В Торнио надежные лица, переправляющие через границу почту. Указание представителю д-ру Доннеру из Финляндии — орга-

низовать регулярное почтовое сообщение с Финляндией, Россией и Остзейскими провинциями.

Антимонархические настроения в Петрограде нарастают все быстрее, так что необходимо избегать и по возможности полностью исключить потерю времени и неудачи с курьерами. Уже опять текут деньги агентам Министерства иностранных дел, включая и агента Личева в Стокгольме. Штейнвакс просит в письме от 8 мая 1916 г. внешнеполитическому советнику фон Бергену в Министерстве иностранных дел:

[...] Во-вторых: Личев теперь организовал всю подготовительную работу (бюро в Стокгольме, как и в Хапаранде) и приступил к сбору русских революционеров, живущих в различных городах Скандинавии, для использования их особых способностей. Он напечатал в Стокгольме несколько очень действенных памфлетов и надежными путями доставил их в Россию. — Я покорнейше прошу разрешить выплачивать ему в следующие 3 месяца по 6000 м.

Штейнвакс подсчитывает в общем списке, приложенном к этому письму: «Личев апрель, [зачеркнуто] май, июнь, июль 18000 м.» 27 июля он сообщает Министерству иностранных дел о надлежащем переводе денег Личеву:

Позволю себе представить Вашему Высокоблагородию доклад, прилагая заключенное с Личевым [Licheff вместо Litcheff, sic!] соглашение, и одновременно передать его же подтверждение о получении выплаченных ему 50 000 м. (пятидесяти тысяч марок).

Германская транспортная линия для нелегальной переправки грузов, материалов и людей из Стокгольма через Хапаранду в Петроград получает внутреннее название «Маршрут Хапаранда». Вдоль этого маршрута Берлин через миссию в Стокгольме размещает своих курьеров, чтобы все протекало надежно и согласно пожеланиям. В поле зрения Берлина находятся даже мельчайшие наблюдения и услуги. И незначительные денеж-

ные суммы распределяются чрезвычайно педантично. Так, некто Клейн, «маршрутный наблюдатель» на центральном вокзале Стокгольма, получает в месяц триста марок. И об этом должен сообщать Штейнвакс внешнеполитическому советнику фон Бергену в Министерство иностранных дел: «Клейн также успешно переправил в Россию многие важные сообщения и небольшие памфлеты и организовал вокзальную службу в Стокгольме...»

Триста марок в месяц за «вокзальную службу», 6000 марок русскому агенту Личеву на создание и содержание бюро у финской границы под Хапарандой, «деньги агента влияния» на сумму 100 000 марок финскому статскому советнику, который должен выступать за отделение Финляндии от России, — шкала финансирования желаемой революции в России, исходящей из Петрограда, широка.

Тщательно подобранный городской архив «Коммуны Хапаранда» — это сокровищница историй, которым мог бы позавидовать любой приключенческий писатель. Сегодня туристские проспекты указывают на то блестящее общество, которое в годы войны до российской Октябрьской революции проживало в знаменито-пресловутом городском отеле и плело там заговоры. В Хапаранде временно находятся до 200 шпионов, слуг разных господ, и «Городской отель Хапаранда» (Haparanda Stadshotell) на Торгете, одно из немногих каменных зданий посреди деревянного и барабанного города с его таможенными сарайями и складами для всевозможных товаров, охотно дает приют всем, кто резвится здесь в годы военного хаоса: революционерам, анархистам, королям лесопилок, графам и офицерам секретных служб, адвокатам и дипломатам, банковским директорам и бордельным дамам, торговцам деревом и мехами, агентам и курьерам. Здесь noctуют гости со всего мира: немцы, русские, шведы, финны, датчане, французы, англичане...

За водкой, виски и черной икрой, за лосиным жарким и изысканным оленым гуляшом они беседуют и обсуждают политические вопросы в большом бальном зале первоклассного отеля, в более интимных кабинетах или в привилегированном кафе «Гуляшные бароны» под венские вальсы, польку, цыган-

кую музыку или особо любимую публикой «Петербургскую езду на санях» Франца Легара.

Здесь, в городском отеле, проездом в Петроград живет и Ганецкий, «начальник бюро» у Гельфанд в Копенгагене. В городской хронике Ганецкий числится как изрядный «аферист» (Affairsmannen).

Там бывают и финский генерал-губернатор Зейн, принц Карл Шведский, генерал Шувалов, шведский социалист и по-знейший премьер-министр Яльмар Брантинг, сестра Красного Креста Эльза Брандстрем, «сибирский ангел», уважаемая и любимая немецкими военнопленными, сербский кронпринц Александр, премьер-министр Песик, вице-консул Вербицкий, Александра Коллонтай, князь Кропоткин... Имена за именами.

Другие, напротив, предпочитают оставаться неузнанными на заднем плане, они не придают значения тому, чтобы их видели на улицах и регистрировали в фешенебельном отеле. К ним принадлежат Шляпников, Козловский, Радек и другие видные участники заговора в большой революционной операции. Но ловкий главный организатор «Маршрута Хапаранда» Александр Шляпников, тем не менее, фигурирует в отельной болтовне и городских сплетнях, по крайней мере, как возлюбленный Коллонтай, моложе ее на 10 лет. О молчаливом и скромном польском адвокате д-ре Мечиславе Козловском шепчутся, что он имеет интимную связь с беззаботной финкой Евгенией Суменсон, которую Коллонтай считает очень подходящей для «денежной цепи» товарищей аполитичной и потому не вызывающей подозрений владелицей банковского счета в Петрограде. Никто не подозревает о Козловском и Суменсон, что они очень скоро станут последним, самым важным звеном именно в этой самой «денежной цепи», которая тянется от Министерства иностранных дел в Берлине и столичных германских банков через Скандинавию до России, к Ленину, к большой партийной кассе. Козловский – в отличие от Гельфанд, к которому Ленин питает неприязнь, – как и Фюрстенберг-Ганецкий, принадлежит к кругу ближайших доверенных лиц вождя революции. Козловский становится ленинским бухгалтером по германо-российскому революционному сотрудничеству.

В подозрительном угловом доме в Басковом переулке в Петрограде все они временно выведут на след больших денег из Берлина. После успешной революции Ленин назначает ученого-юриста комиссаром юстиции. Он участвует в работе над первыми законопроектами нового государства и осуществляет ведущие функции при создании службы безопасности – ЧК (Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, основана в декабре 1917 г.).

В Хапаранде и сегодня с гордостью сообщают о том, что Ленин после своего знаменитого проезда через Германию здесь, на предпоследней остановке перед своим возвращением в Петроград, в апреле 1917 г. встречается с местным социалистом Акселем Реннмарком, прежде чем на другом берегу, в Торнио, начнется последний этап его 3000-километрового пути из швейцарской эмиграции и он сядет в поезд, следующий в город революций – Петроград.

В течение военных лет городской пейзаж Хапаранды вновь и вновь меняется: и здесь становятся заметны негативные последствия войны. До 1918 г. через город проезжают и здесь обмениваются 75 000 военнопленных обеих сторон, в основном раненых. Городское население принимает большое участие в «инвалидных перевозках», в транспортировке раненых, о которой заботится Эльза Брандстрем.

Хапаранда становится во время Первой мировой войны также крупнейшей в Европе международной станцией для писем и посылок. Почтовое сообщение между воюющими странами через этот нейтральный шведский почтовый шлюз нарастает до такой степени, что специально для него приходится соорудить почтовую канатную дорогу, опирающуюся на высокие деревянные столбы. В почтовых гондолах, непрерывно качающихся взад-вперед на 20-метровой высоте над бурно текущей или глубоко замерзшей пограничной рекой, до конца 1918 г. перевозится более 27 миллионов почтовых отправлений. Через Россию отправления следуют даже до Персии, Индии, Китая и Японии. Такую массу не может строго проконтролировать никакая таможенная служба, никакая тайная полиция – ни в Хапаранде, ни в Торнио.

Добраться «до другого берега» — это здесь является целью для всех, путь ведет с запада на восток и точно так же в противоположном направлении. Ирония истории: в том же месте, где Ленин в апреле 1917 г. ступил на российско-финскую землю, чтобы проследовать дальше в Петроград и потрясти мир своей Революцией века, Эдгар Сиссон, следя из Петрограда со своими сенсационными документами, достигает «другой стороны» ровно год спустя, в апреле 1918 г., после авантюрного бегства через финское озерное плато. Наконец, вновь проведя комфортабельную ночь в «Городском отеле Хапаранда», он едет по той же железнодорожной ветке, по которой следовал из Стокгольма Ленин, в противоположном направлении, назад в европейскую «цивилизацию» и далее в Америку, чтобы, как он надеется, потрясти своими документами мир: что немцы полностью оплатили русскую революцию и эта революция была бы вообще немыслима и захлебнулась бы уже в зародыше без огромных миллионных сумм из германской военной кассы.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ГЕРМАНИИ

Не следует ли считать грозным предзнаменованием, что в первый день нового 1917 г. в Петрограде из ледяной Невы вылавливают труп Распутина? Одни видят большое благо в том, что ремеслу влиятельного шарлатана и советника царя, злого шептуна, банально-дьявольского фаворита царицы наконец-то и на все времена положен конец. Другие предвидят большое бедствие, которое обрушится на них со смертью религиозного фанатика. Двумя днями ранее князь Юсупов и депутат Думы Владимир Пуришкевич подняли руку на чудовище. Переполненные ненавистью убийцы хотят таким радикальным способом выразить свой протест против политики царя, хотят подать знак. И они не будут наказаны. Антимонархические настроения в Петрограде получают новый стимул, всеобщее недовольство нарастает.

1917 г. становится еще более кровавым годом мировой войны, чем три предыдущих. Голод, нужда, нищета и траур по бесчисленным погибшим на фронтах ширятся среди людей, осо-